

Наша Быковка ничем не выделялась среди сотен таких же деревень, раскиданных по России вдоль Московского тракта. Несколько десятков домов выстроились вдоль единственной улицы, заканчивающейся двумя скотными дворами. А поодаль – берёзовые колки, как стайки молоденьких девиц в зелёных нарядах, собравшихся водить хороводы среди полей и лугов. И осталась бы она такой же неприметной, если бы на указателе у сворота к ней под вывеской «Колхоз Ударный д. Быковка» не появился треугольный знак с нарисованной рогатой головой и надписью внизу: «Осторожно! Злой бык!»

И правильно побеспокоились односельчане, ибо в летние дни нет отбоя от горожан, которые на машинах и автобусах, как саранча, слетаются по грибы и ягоды, не зная, что колхозный бык Махлай сошёл с ума и стал набрасываться на людей.

Почему сошёл с ума? А кто его знает... Раньше был спокойный, никого не трогал, а когда постарел, то и подурнел. Вот и сегодня он отказался выполнять свои обязанности и, покинув стадо, лежит в скотном дворе на облюбованном им месте. А когда солнце склонится к горизонту и спадёт полуденная жара, встанет, потянется и пойдёт гулять по селу. И не дай бог, если кто попадётся на его пути, вмиг на рога поднимет. Он и Перекати-поле, так кличут нашего пастуха, чуть было не забодал. Тот на прошлой неделе выпил по случаю выходного дня, но, как ему показалось, мало. И в поисках добавки отправился по деревне, поднимая уличную пыль хромовыми сапогами и мелькая красной косовороткой то у одной калитки, то у другой. Так и не заметил, как оказался

у скотного двора. Хотел повернуть назад, но услышал, как Махлай отфыркивается от назойливых мух. Бык тогда ещё не совсем сошёл с ума, потому Перекати-поле смело направился к нему и, уцепившись за рога, потянул на себя, приговаривая:

– Давай, Махлаюшка, не дури. На работу отправляться надо. Негоже отлынивать. Вон и тёлочки молоденькие по тебе соскучились.

Но тот, как бы говоря: «Нет», – замотал из стороны в сторону головой, пытаясь освободиться от назойливого «Муха».

– Ах ты, тварь неразумная! Подобрю-поздорову не хочешь, тогда я тебе по-другому объясню! – пахнул перегаром Перекати-поле и со злостью ткнул Махлаю сапогом в нос, не подумав о последствиях.

Тот взревел от боли и так крутанул рогами, что наш пастух взвился вверх ногами, а затем рухнул, распластавшись по земле.

И тут-то Махлай совсем сошёл с ума. Сопя, он поднялся, выставил вперёд рога, трубно проревел и, не сводя со своего обидчика налитых кровью глаз, двинулся на него. Перекати-поле попытался отползти на безопасное расстояние, но бык, видя, что жертва удаляется, прибавил хода. Тот вскочил и бросился бежать, ища спасения в деревне. Бык устремился за ним.

Бегут они вдоль улицы – впереди Перекати-поле, а за ним Махлай, и когда бык нагоняет своего обидчика, то рогами ему под зад поддаёт. Подлетит Перекати-поле, ногами по воздуху взмахнёт и, приземлившись, дальше мчится. И сколько бы они так бежали, никто не знает, если бы Перекати-поле не оступился и не упал. Бык с остервенением набросился на него. К тому же красная рубаха выскользнула у пастуха из шаровар и развеивается на ветру, как приманка, дразня рогающую скотину. Но, как ни старается Махлай, не может рогами

достать тощее тело обидчика, только пыль в разные стороны клубами раздувает, когда лбом в очередной раз того к земле прижимает. Заорал со страха Перекати-поле, и сбежались на его крик сельчане – кто с камнем, кто с палкой. Насилу отбили пастуха. Отступил бык, недовольно ревя, и с тех пор по вечерам никому не давал прохода.

И жалко быка переводить, но и невозможно постоянно в страхе жить. Ведь ладное от него племя пошло. Со всей округи съезжаются, коров привозят, чтобы получить от него хороший приплод. Не раз говорили сельчане управляющему: «Что же ты делаешь? Так быка загубишь. Обессилит, и своих коров не к кому будет водить». Но тому только доход нужен, а теперь никто и ни за какие деньги не желает у быка на рогах побывать.

Надеялись сельчане, что одумается Махлай и вернётся в стадо, но он, похоже, окончательно сдурел, коль набросился на управляющего Сашку Хватова. Тот готовился справить день рождения и нёс из магазина сетку с водкой. Напал на него Махлай сзади, вырвал рогами сетку и расколол посуду. Да и сам Сашка с трудом спасся.

– Ты, Егор, что хочешь, то и делай, – цепкой хваткой поймал Сашка за шиворот Перекати-поле, когда тот в очередной выходной в поисках живительной влаги катился по селу, – но чтобы быка, гуляющего по деревне, я больше не видел!

– А что я с ним сделаю? – пытаюсь вырваться, виновато пожимает тот щуплыми плечами. – В стадо он не хочет, на тёлоч не смотрит, только всё время в меня рогами метит. Я с ним уже верхом на коне справиться не могу. Вихрем вчера на меня налетел и Гнедому живот чуть было не пропорол. Кое-как ускакали. Вот и на тебя, на управляющего нашего, рога посмел поднять. Какой наглец! Никакого уважения к начальству! Ты б ему, Сань, взял и приказал...

– Он у кого в подчинении, у тебя или у меня?

– Но ты же главный, тебе и докладываю, что бык из-под моей власти вышел. Теперь твоя очередь настала применить над ним всю полноту своей власти. Что хочешь с ним, то и делай. Я уступаю. Хочешь – целуйся, а хочешь – бодайся. Короче, я доложил. Теперь ты с ним справляйся.

Вокруг начали собираться зеваки.

– Я для начала с тобой справлюсь, – и Сашка так сжал загривок Перекати-поле, что тому стало трудно дышать. – Для чего я тебе стадо поручил? За пятьдесят лет жизни ты обязан был каждую корову познать!

– А он, может, уже познал, – засмеялись подошедшие мужики.

– Почему я, твой начальник, должен знать все твои повадки, а ты у подчинённых не знаешь? Ты куда с утра покатил?

– По делам. Насчёт одной вещи с кумом договориться.

– Знаю я ваши вещи! А ну дыхни!

Перекати-поле дыхнул. Сашка сморщился, а затем, усилив хватку, зло процедил:

– Опять за старое...

Не зря Сашку выбрали управляющим. Хотя он и невысок в свои двадцать семь лет, но коренаст, и руки у него как клешни у рака. Поймает – не выпустит, а если слегка придавит, то до смерти может задавить. Уважают его мужики, хотя побаиваются и недолюбливают.

Закряхтел Перекати-поле и с трудом произнёс:

– С ума бык сошёл. Не слушается даже бича. Что делать, не знаю. Хочешь – увольняй, хочешь – убивай, а сил моих больше нет терпеть позор. Вот и решил от позора если не залить глаза, то хоть закапать в них.

Сашка разжал кулак, и Перекати-поле спешно начал заглатывать воздух.

– Косой его по горлу надоть, чтоб другим неповадно было, – выступил вперед сухощавый с облезлой седой бородой дед Афанасий. – А то, что ж творится? Затопил я баньку и отправился за берёзовым веником, а там и прихватило меня. Я присел, а тут рог между ног. Испужался я шибко и не помню, как в хате оказался. Теперь вот который день до ветра сходить не могу. С испугу затор приключился.

– Правильно дед говорит! – загудел одобрительно народ.

– Так давай, Афанасий, покажи пример, – обрадовался Перекати-поле.

– Не, я не могу, – пошёл взад пятки дед. – Не подумайте, что я смерти боюсь. Я ведь своё уже отжил. Разве что одного боюсь, рука у меня от старости лет неуверенная, дрожит. Сорваться может. А сорвётся – бык в ярость войдёт, и тогда точно не миновать беды.

– А ты не бойся, мы тебя во двор затолкнём и ворота на запор закрём. Если захочет бык беду творить, пусть взаперти творит. А ты его там нагоняй и косой секи. А не успеешь, то сам себя и вини. К тому же ты своё уже отжил.

– Э, милый. Одному Богу известно, сколь кому жить. Я, может, тебя ещё переживу. А раньше срока смерть принять – грех. Потому не надо её искать, она сама должна тебя найти.

– А кто ж тогда грех примет? – глянул поверх голов Перекати-поле. Сельчане неожиданно притихли и присели, слившись в сплошную безликую массу. – Ну? – не унимается он.

– Стрелять его надобно на расстоянии. Сразу в лоб, чтоб сознание потерял, а там уже с ним справимся, – облизнув обветренные губы, гордо выпятил грудь Мишка Крягин, единственный охотник на селе.

Ружья были и у других, но они не соизволили их вовремя зарегистрировать, а когда началась компания по изъятию огнестрельного и холодного оружия, лишились они своих

стволов. А Михаил не столько ходит на охоту, сколько показывает перед мужиками своё превосходство. Выйдет на улицу и ружьё демонстративно закинет за свои широкие плечи, а сам, напыжившись, головой по сторонам крутит: смотрите, мол, какой я парень, не в пример вам. А тут ему такая возможность представилась завалить если не сохатого, то зверя, который ничем не уступает ветвистому копытному.

– Правильно Михаил говорит! Валить его надо! – обрадовавшись, что нашёлся желающий расправиться с быком, заорал Перекати-поле.

– Валить! Валить! – ожила и задвигалась толпа.

Сашка в задумчивости зачесал затылок, но согласился:

– Хорошо. Коль все за, то и я туда, – и, полуобернувшись к Михаилу, продолжил, – давай, готовь ружьё и дробь крупную заряди, а лучше всего картечь. Или лучше пули прихвати.

– Пуль нету. Тут не на кого с ними ходить. Я дробь покрупней заряджу. К тому же ружьё так кучно бьёт, что утка налету в решето превращается. А если быку в лоб да с близкого расстояния... Если не убьёт, то сознание точно вышибет.

– Хорошо. А ты, Егор, – управляющий перевёл взгляд на Перекати-поле, – нож прихвати. Когда Михаил быка с ног свалит, ты начатое доверишь.

– А почему опять я?

– А ты что? Хочешь, чтобы я? – Сашка нервно задёргал плечами, будто ему воткнули нож в спину. – Бык-то находится в твоём подчинении, а ты в моём. Я – тебе, а ты – быку. К тому же у тебя одного навык обращения с рогатой скотиной имеется. Если что, убежишь, – и он повысил голос, – ты меня понял? А теперь иди и нож готовь! Через полчаса чтоб был на месте!

В полдень, когда жара достигла пика и разморила быка, лежащего в углу двора, Сашка с Михаилом подъехали на

мотоцикле «Иж» и направились к окну двора. От них, опираясь на клюку, не отстаёт и дед Афанасий. А Перекати-поле, окружённый толпой, стоит в стороне.

– Как его брать будем? – с опаской заглянул в окно Михаил. – Отсюда я его не достану. К тому же он свернулся. Я при всем желании в лоб ему не попаду.

– А мы Перекати-поле туда запустим. Он быка растормошит, и когда тот за ним вдогонку бросится и поравняется с нами, ты его и срази.

– Слышь, Егор, – повернувшись в сторону зевак, которые с сочувствием окружили Перекати-поле, заскрипел дед, – тебе Сашка во двор велит идтить и быка тормозить.

– Я что, белены поел или просто так охренел?

– Давай, Егор, не противься. Ты же Сашку знаешь, – подталкивают сельчане Перекати-поле, и не столько из жалости к нему, сколько из желания посмотреть, что из этой затеи получится. – От рогов быка ты как-нибудь увернёшься, а от управляющего не сможешь. Всю оставшуюся жизнь тебя шамкать будет. К тому же Михаил с оружием на изготовке стоит. Да и мы тебя, если что, поддержим и в обиду не дадим.

– Вот сами бы и шли, а я бы постарался вас в обиду не дать.

– Так это тебе же поручено, а не нам.

Перекати-поле, бурча, вошёл во двор. За ним резко захлопнулись ворота.

Махлай спал и, кажется, не слышал и не понимал, что над ним сгущаются тучи. Перекати-поле подкрался к нему сзади и, схватившись за хвост, резко дернул, а затем отпрыгнул в сторону. Бык лениво поднял голову и, повернувшись, мутными глазами посмотрел на виновника. Не мог он понять, что нужно от него людям и почему они такие злые. Вместо того, чтобы наестся и лежать, как он, суетятся с утра до вечера, кричат друг на друга, видать, от голода, а потом и к

нему пристают. Не понятно ему человеческое стадо. И бык, вернувшись в исходное положение, закрыл глаза и задремал.

– Ножом его кольни, ножом! – советуя, кричат в окна любопытные.

Послушался их Перекати-поле и ткнул ножом быку в ногу, да видно сильно. Бык вскочил, резко развернулся и бросился на него. Толпа в страхе отпрянула от окон, будто испугалась, что бык сможет выскочить через узкую щель. Только Перекати-поле не успел среагировать. Махлай сшиб его с ног и, промчавшись по нему, развернулся для второго захода. В этот момент раздался выстрел. Дым окутал Михаила, и в воздухе почувствовался запах горелого и палёного. Не успел дым рассеяться, как сотряслась бревенчатая стена, и Михаила ударом приклада в плечо опрокинуло на спину. Он завалился, задрав вверх руки и ноги, и на него из окна вывалилось ружьё с изогнутым в сторону стволом. А в соседнее окно щучкой вылетел Перекати-поле и, приземлившись, покатился, кувыркаясь и матерясь, пока не ударился об чьи-то ноги.

– Ружьё моё... – только и смог выдавить из себя Михаил, ибо у него перехватило дыхание, и он остался лежать с открытым ртом.

– Тебе им только в мух стрелять! – вставая и стряхивая с себя пыль, со злобой прокричал Перекати-поле.

– Теперь оно сгодится и сорок из-за угла пужать, – уставившись на изогнутый ствол ружья, добавил дед.

– Убью гада! – соскочив на ноги, взревел Михаил. – Взрывчаткой его в лоб!

– А где ж ты её возьмёшь? – с издёвкой спросил дед.

– Мой сродный брат в карьере камни для щебня рвёт. Он мне даст. Я сейчас мигом! Укокошу гада!

– Голову сохранить надо, чтоб отчитаться, – заволновался Сашка.

– Брат всё рассчитает! На то он и брат! На месте голова будет! Мы его оглушим! Ты лучше сетку приготовь, чтоб было в чём взрывчатку на рога закинуть... – и, вскочив на мотоцикл, Михаил умчался в сторону сопок.

Когда вернулся, у скотного двора собралось всё село. Побросали сельчане работу и примчались: кто на тракторах, кто на велосипедах, а кто бегом. Всем хочется посмотреть на казнь быка. Любопытно. А может, лишний раз хотят убедиться, насколько смерть страшна, чтоб крепче жизнь любить.

– Вот, выпросил, – соскочил он с мотоцикла и извлёк из-за пазухи прямоугольный брусок, похожий на хозяйственное мыло. – На литряк обменял, иначе не давал. Хоть и брат я ему, но у него вся взрывчатка на подотчёте.

– А вдруг не сработает? – засомневался Сашка.

– Ещё как сработает! Тут её двести грамм. Фитиль только надо поджечь и быку на рога. Сетку давай!

Извлёк Сашка из бокового кармана брюк сетку, ту самую в которой он прошлый раз нёс водку, и Михаил осторожно опустил в неё взрывчатку.

– А кто быку на рога её оденет?

– Егор. Бык-то в его подчинении. Пусть с ним и управляется.

– А вдруг взрывчатка Махлая на куски разорвёт, как я тогда отчитаюсь, – запротестовал тот.

– Всё от тебя зависит, как закрепишь, так и будет, – сказал Сашка, затем поджёг фитиль и сунул сетку Перекати-поле в руки.

Фитиль на глазах начал уменьшаться, и Перекати-поле в страхе заметался по поляне, не зная, что делать. Впервые ему пришлось обращаться с взрывчаткой, вот и растерялся. Толпа тоже закружилась, пытаясь удалиться от незадачливого взрывника, а тот не отстаёт от народа, пытаясь найти у них

помощь. Вот и кружат хороводом по поляне. Перекати-поле орёт, а толпа в ответ визжит.

– Быку на рога! На рога, приказываю! – взревел командным голосом Сашка, и его рёв гипнотически подействовал на Перекати-поле.

Подбежал тот к окну и, не соображая, метнул сетку, и та удачно зацепилась быку за рога. Но вот одна беда, фитиль, ядовито шипя, напугал Махлая, и заметался тот по двору в поисках спасения. Ударился раз в ворота, второй, а фитиль всё короче и короче. Ударился бык из последних сил в третий раз, ворота с треском распахнулись, и Махлай, крутя на рогах сетку с дымящимся фитилем, ринулся к людям, пытаясь найти среди них укрытие. Заревели все в страхе и бросились врассыпную. Увидев, что от спасительной толпы не осталось и следа, бык нерешительно остановился, а затем, заметив стоящую у дороги технику, метнулся к ней и почти добежал до неё, как взрывчатка выскользнула из сетки и покатилась под новенький Михайлов “Иж”. И в этот момент раздался взрыв. Скрежет металла, звон стёкол от стоящей рядом техники и клубы пыли заполнили пространство вокруг, придав ещё больших сил убегающим сельчанам. Когда всё стихло и осела пыль, народ потянулся назад.

– В куски разорвало быка, – приняхиваясь, сделал заключение дед.

– С чего это ты взял? – недоверчиво уставился на него Сашка.

– Палёным пахнет, и остатков не осталось. Без вести пропал. Так всегда бывает, когда на куски разрывает. Сам на войне видел.

– Ври, ври, но не завирайся, – появился Перекати-поле. – Вот только кто за покорёженную технику ответит? Я не буду. Я приказ выполнял. Кто теперь ответит, а?

– Человечье любопытство. Оно их сюда манило, оно пусть и отвечает. А ты, Егор, за быка ответишь, – заскрипел зубами Сашка.

– Я-то тут причём? – обижено засопел тот носом.

– Бык на твоём подотчёте. Потому ты за него и в ответе. Хоть рогом, но отчитайся.

Весь остаток дня Перекати-поле искал быка и нашёл его только к вечеру среди берёз. Махлай лежал мёртвый, поджав под себя ноги и вытянув голову. А берёзки, словно оплакивая, окружили его и печально опустили над ним зелёные руки. И голубое небо отразилось в глазах быка, как бы маня его к себе.

Умер Махлай, а отчего – неизвестно. Может, от старости, а может, от страха не выдержало его сердце.

– Эх, и с людьми так. Стоит только повести себя не так, как от тебя того хотят, и набросятся все скопом и гоняют, пока не загонят до смерти, – глядя на мёртвого быка, тяжело вздохнул Перекати-поле.

Прошёл год, а знак с нарисованной головой быка так и остался висеть на въезде. То ли незваных гостей решили им пугать, то ли в память о быке Махлае оставили, а возможно, поленились снять.

И проезжая по Московскому тракту, водители притормаживают у этого знака, как бы отдавая последнюю дань Махлаю, а затем, прибавив скорость, исчезают вдаль, разнося слухи о злых быках, живущих в деревне Быковке.